

Эляна Суодене

Эляна Суодене – доктор гуманитарных наук. Окончила Вильнюсский государственный университет. Тема диссертации – «Анафора в поэзии Марины Цветаевой (стилистический аспект)». Автор нескольких поэм о Серебряном веке. Автор ряда стихотворных сборников, посвящённых Православию. Автор идеи и руководитель фестиваля духовной поэзии «Покрова» – единственного русскоязычного литературного фестиваля подобного рода в Прибалтике. Золотой лауреат национального конкурса «Золотое перо» (2017). Награждена государственной наградой Литовской Республики – серебряным знаком отличия «За заслуги». Живёт в Каунасе

РУССКИЙ КОСМОС НАСЛЕДИЯ СЭДЫ ВЕРМИШЕВОЙ

О книге Лидии Довыденко „Бессрочный полёт Сэды Вермишевой“

Нарине Золян, дочь своей выдающейся матери, во вступительной статье к книге Лидии Довыденко „Бессрочный полёт Сэды Вермишевой“ придаёт словам метафизический смысл, утверждая материнскую исповедальную „Верность Духу вненациональному и Единству Вселенскому“ „ВО ИМЯ ПОДЛИННОСТИ И ВНЕВРЕМЕННОГО ОТСЧЁТА“.

Не только метафизическая, но и геополитическая составляющая как одна из самых жизненно важных траекторий мысли Сэды Константиновны отражена в тексте её любящей дочери: „Думаю, что всю парадигму политики и власти надо пересматривать. В основе должна быть духовность, не материя. Вот тогда и заговорят на одном языке – на Божьем“.

О, Сэда предвидела, что произойдёт, словно Сивилла на пальмовых листьях записывая стихами свои поздние горькие пророчества, и об этом тоже пишет её дочь во вступительном слове: „Сегодня то, что произошло с Арменией и Арцахом, было ею предвидено“.

Читая эти строки, невольно задумываешься над тем, что исключительное проникновение Сэды Вермишевой в поэтику Александра Блока было закономерным, ибо такие понятия, как „Софийность“, „Метафизика вечной женственности“, „Всеединство“, „Всечеловечность“, „Всечеловек“, „Богочеловечество“ были также органичны её сознанию и мирочувствию. И Русский Космос был естественным для неё способом самоощущения в мире, где „сосны говорят стихами“, а стихи пишутся „осколком солнца“.

О вселенскости мирочувствия Сэды Вермишевой говорит во вступительной статье „Надоело ходить в чужих обносках“ и Геннадий Сазонов: „Если взглянуть на поэмы и циклы, вышедшие

из-под пера Сэды на склоне её земного пути, то увидим, что она ощущает и преподносит бытие Человека не только в земной юдоли, но и в пространстве Космоса“. Геннадий Сазонов свидетельствует: “Сэда Константиновна удивительно талантлива. Поэт, публицист, философ, экономист, литературный критик. И в каждой области она вполне преуспела.“

Всеединство в опознании мира Сэдой Вермишевой так отражается автором статьи „Надоело ходить в чужих обносках“: “Её поэтический и духовный взгляд объемлет прошлое и настоящее, видит будущее, оценивает мир и войны, предостерегает мир от падений и потери Божьего лица.“ Высокая миссия избранничества поэта отражена и в цитируемых Геннадием Сазоновым словах Лидии Довыденко: “Духовная радость и печаль, улыбка и тревога за будущее России и планеты, внутренняя чистота живут на страницах произведений Сэды Вермишевой.“

А вот как Лидия Владимировна пишет о Сэде Константиновне в статье, „Вечность и непознанная тайна“, вместе со статьёй „Для духа поражения нет“ открывающей основной корпус изысканий о творчестве Сэды Вермишевой в книге „Бессрочный полёт Сэды Вермишевой“: “Живи сейчас Велимир Хлебников, этот поэтический „гражданин всей истории и всей системы языка“, он непременно пригласил бы Сэду Константиновну на пост председателя Земного шара, ибо она находится „на осях жизни своего народа“, в напряжённом стремлении вперёд по пути полного овладения мастерством поэтического слова.“ Согласно Лидии Довыденко, „Сэда Вермишева осмысляла планету и человечество на путях духовности.“

Лидия Владимировна говорит о метафизической силе поэзии Сэды Вермишевой: “Её сверх-Я жаждет „испытать высот“, „говорить с Богом“, идти „сквозь реки вброд“.“

В книге „Бессрочный полёт Сэды Вермишевой“ героиня исследования предстаёт как поэт больших пространств, (земных и галактических), она - поэт безмерных величин: “И нет у жизни ни конца, ни края, // И бесконечен по земле мой путь.“ Вечность и бесконечность – хронотоп её поэтического дискурса, и в то же время ей дано слышать, как вызревают зёрна, и она не хочет им мешать, нарушая тишину мгновения: “Здесь вызревают зёрна тихо // И я их торопить не смею“.

Лирическая героиня поэзии Сэды Вермишевой, и это отражают приводимые Лидией Владимировной строки, воплощает архетип странницы (почти по Юнгу), которая идёт „Дорогой ветра, звёзд и Бога““. О, она умеет ходить „по белым камням//невозможных надежд“!

Автор книги „Бессрочный полёт Сэды Вермишевой“ пишет об органичной связи поэта с небом, о её земном пути, равном Млечному, приводя строки поэта:

А тишь стоит.

Стоит – над миром.

Мне в тишь такую -
не уснуть.

Застыло всё.

Лишь звёзды в небе
неслышно строят
Млечный Путь..“

Лидия Владимировна выносит строки Сэды Константиновны „Кажется мне домом мирозданье“ в название подраздела статьи „Вечность и непознанная тайна“ о поэтическом сборнике „Преодоление“, утверждая: „Поэт Сэда Вермишева своей поэтической речью соединяет нити разорванных времён и поколений, пространств, культуры и традиций, людей, знающих о победе духа и совместном с Богом делании:

И сердце моё
уходит
в просторы Вселенной,
И вновь обретает своё
Бытие.“

Читая эти строки поэта хочется воскликнуть: „Вот оно, Русское Всеединство! Вот он, Русский Космизм!“

О безграничности художественного ареала поэзии Сэды Вермишевой свидетельствуют и строки:

Мне некому бой проиграть,
ведь

...в сыромять вожжей
Впрягая неба ширь,,
Отваги конница,
Сбивая звёзды, скачет.

Те же безмерность и безграничность в ореоле Всеединства
ощутимы и в стихах Сэды Вермишевой о любви, приводимых
Лидией Владимировной:

...И тысячи явлений и названий

Я замыкала

Именем твоим.

Автор книги о Сэде Константиновне так комментирует эти строки: “Как созвучны эти слова всем, кто любим... Кто любит. Как это похоже на какой-то древний религиозный культ, когда поэты обладали силой, с помощью которой, подобно Орфею, „очаровывали даже зверей и камней“.

Лидия Владимировна приводит строку Сэды Вермишевой, которую в пору бы произнести скандинавскому богу Одину, сочинявшему свои стихи под деревом Игграсиль, творя миры: “И удержать весь мир в живых хочу“. Тот же градус высокого камлания сохраняет в строках о Сэде Лидия Владимировна: “У неё был космический слух, вселенское чувствование, понимание, что правда без любви – это обман, и у неё была Божественная речь:

Ты есть закон.

Твои владенья

Лежат везде,

Где солнца свет.

Ты сын побед,

Не поражений, -

Для духа поражений

Нет!

Ещё идут твои сражения.

Гори,

Владей,

Твори, Поэт!“

Именно поэт-демиург, способный создавать миры, может воскликнуть в любовном экстазе: “Я отдам тебе свет//Всех планет//Мирозданья“ и “Всё единственно“.

Поэт, которая пишет „осколком солнца“, чувствовала мировой трагизм бытия, она слушала космос, оповещающий её зловещими предчувствиями: “Помериться силой с самою судьбою//Нам время пришло и настало“. И она глаголет миру, подобно древнегреческой дочери царя, замурованной соплеменниками за свои пророчества в

стену, надеясь на чудо: “Мир всё же слышит голос//Набата тех колоколен,//Что в сердце моём”.

Лидия Владимировна пишет о строках Сэды

Вермишевой: “Возможно, это даже „Со смертью разговор“, если такая цель: “Выйти из тьмы//Вселенских катастроф”.

Сэда чувствовала трагизм космического бытия, слышала, подобно Блоку, поступь истории.

Именно поэтому Сэда писала: “И кто-то сдаётся,//А кто-то нет,//И превращает он//Свой путь в Завет“. Или: “Мы боремся,//пока нас не убьют,//Мы рвём зубами//Цепи и поводья.“ Или: “Латать и лечить современную драму//И править безумия речь”.

Лидия Владимировна в этой связи развивает мысль о целительной силе искусства слова: “Истинный поэт – это целитель общества, в которое прорвалось окаянство.“ Или: “Благодаря таким поэтам ослабленный организм государства медленно обретает глубинное дыхание, ясность ума, самосознание.“ Или: “Русский поэт „кровью сердца пишет, не простым пером“, поэтому читатели обретают силу благородства, нравственного ума.”

Согласно Лидии Довыденко, “Духовным лидером, вождём может стать поэтическая личность: “Но лбом наклонившись// к простору бумаги,//Гоню я сквозь бездны//Свободы плоты...//И я пятно позора смою//С лица земли.”

Однако автор книги о Сэде Вермишевой ясно отдаёт себе отчёт о реальном положении дел в литературной индустрии, поэтому из-под пера главного редактора появляются такие горькие строки: “Так называемое цивилизованное сообщество не видит таких поэтов, не замечает, называет какие-то другие имена, но русский народ, народная жизнь вбирает в себя творчество таких поэтов, как Божественных посланников, насыщает свою жизнь их вселенской правдой, ведь в их горсти – „И бездны, и начала.”

Далее Лидия Владимировна утверждает: “Талантливый поэт – именно это плодоносящее дерево, в то же время он часто ощущает себя „инкогнито“ в мире, где уже давно не слышали о том, что поэты „вызывают дождь“, „поднимают ввысь солнце и велят ему сиять“, заклиная человека „не спать разумом““. Согласно Лидии Довыденко, “подлинны поэты – это сыновья и дочери побед духа, они могут научить „Что делать“ и „Как не бояться“, потому что поняли, что их удел – несение креста, изо всех сил любя и прорастая желанием писать.”

Интересно, что о спасительной силе поэзии писал и Борис Чичебанин: “Не для себя прошу внимания, // Мне не дойти до тех высот, // Но у меня такая мания, // Что мир поэзия спасёт.”

Да, именно в поэзии, в речи, по свидетельству Лидии Владимировны, ищет спасения Сэда Вермишева, взывая:

Яви нам подмогу,

Владычица-речь!

В последнем усилье,

Горячем и чудном,

На твёрдую кромку

Спасенья ступая.

И ясно видится поэту Сэде Вермишевой, что предстоит:

А вам идти сквозь ту кручину,

Сквозь лихолетье и разбой

И жечь в ночи свою лучину,

Слегка прикрыв огонь рукой,

Чтобы его не загасили.

Таким образом, Лидия Довыденко ясно показывает в своей статье „Вечность и непознанная тайна“, что не только вечность, но и современное течение исторического процесса является предметом мышлечувствия Сэды Вермишевой. Свидетельствуют об этом лаконичные поэтические формулировки русского поэта с армянскими корнями: “Мы все молились на свободу, // А нам скормили произвол“. Или „Страна расплавится, растлится // В огне предательств и измен.“ Или: „Расхищают, грабят хваты // Шар земной // И алтари“. Или: “Народ овечкой кроткой // Идёт в чужой замес.“ Поэт хочет „пить выси“, но „воздух ядовит, как ртуть.“. В этой связи адресатами поэтической речи Сэды Вермишевой является ни кто иной, а „Дом, // Отечество, // Вечность“:

Мы сломали пространство

Единой страны...

И кружит надо мной

Этих слов бесконечность...

Что отвечу я вам,

Дом,

Отечество,

Вечность?

Лидия Владимировна дополняет поэтическую мысль: “Самое страшное то, что подверглись эрозии наши исконные смыслы,

наполнявшие дух, „предания отцов“, „полетели чёрные стрелы“ в самое святое, и мы оказались под небом „смут и мятежей“:

Нас холил ветер в чистом поле

И пело острие ножа.

И всё же Поэт верит, что остаётся внутренний нравственный фундамент, чтобы

В пути бесконечном,

Бессрочном и трудном

Из чаши небесной

Бессмертье испить.“

Достигая ахматовских высот в жертвенной любви к России, ради славы Отчизны готовой пожертвовать собственным песенным даром, Сэда Вермишева восклицает: “Я боюсь за Россию больше,

//чем за себя.“ Лидия Владимировна свидетельствует свою духовную и ментальную солидарность с поэтом: “И мы разделяем это опасение, потому что коррупционные преступления нанесли

России материальный ущерб в сотни миллионов рублей только за последние два с половиной года.“

Духовная близость поэта и автора книги о творческом наследии поэта явственна и в анализе стихов Сэды Константиновны о природе. Так, их душевное созвучие проявляет себя в следующих строках книги“:

„Вы умирали

когда-нибудь

летом,

лёжа в высокой

зелёной траве? -

Спрашивает Сэда Константиновна.

- Да, - отвечаю я, - молча, отрываясь от сборника стихов, уносясь в свои воспоминания – как это мне знакомо с детства, совсем по душе близко.“

И вот ещё - об их чуть ли ни мистической сердечной связи:

„„В запахи тонкие

Всё обрядив...“

Да-да, как это у нас единодушно!

„Синие ветры нас окликали

Голосом крови,

Просторов,

Глубин.““

Вот она – Метафизика Вечной Женственности, когда софийный космизм одной человеческой души равновелик другой, создавая такое органичное созвучие, под которое воспетая философами и поэтами мира танцующая звезда могла бы двигаться во вселенной! Лидия Владимировна так характеризует художественный метод выдающегося поэта: “У Сэды Вермишевой не было границ сознанию”. Исследователь утверждает: “Это та любовь, что вписана в мироздание её глубиной личности, её самоощущением, её лёгкой свободной песней”.

И действительно, с державинской поступью резонируют строки Сэды Вермишевой, цитируемые Лидией Владимировной:

Я – альфа и омега,
Я – только
Прах.
Я – голос мира,
Ветвь его побега...
Я – эхо Бога
И пред Богом
Страх.
Слепая жизнь,
Ползущая по кручам,
Ковчег Библейский
В буре снеговой...
Колени содраны...
Пред ликом Всемогущим
Я есть ничто...
Но мной не правит случай...

Поэт порой ощущает себя свободной птицей, и её воспарения – то же странствие, не позволяющее „крылья запихнуть в рукав“: “И в небе вижу я//Своей свободы птицу,//Которую никто не покорит.” Трагический образ погибающей птицы явлен в поздних стихах, приводимых в своём проникновенном тексте о матери Суреном Золяном, и всё-таки этот полёт – бессрочный, и образ именно бессрочного полёта избран Лидией Владимировной в название книги о Сэде.

Лидия Владимировна свидетельствует: “Стихи Сэды Вермишевой и общение с ней как с личностью открывают горизонты вселенского масштаба.

В них вечная непознанная тайна души поэта.

Ей дано от природы или она сумела развить в себе этот талант — чувствовать глубину неба и близость солнца, поняв однажды, что „для духа пораженья нет.“

Слова, полные глубочайшего человеческого и профессионального признания, автор книги произносит и в статье об очерке Сэды Вермишевой „Писатели в роли коллективного Чацкого“: “В Сэде Константиновне я нахожу то, что ценю больше всего в людях: благородную скромность и правду, красоту души. И теперь, когда я перечитываю её статьи и стихи, я собираю воедино свою любовь к ней, и я слышу из прочитанного голос вечности в её заботе о настоящем и будущем планеты.“ Лидия Довыденко так характеризует суть данного очерка: “Обращение мощного публициста Вермишевой к образу Чацкого — это её собирательное размышление о жизни России и мира в последние тридцать лет — период глобальных общественных реформ и трансформаций. Она написала: “И оттого, что не преодолены трудности настоящего и будущего, тратятся силы и разум человека не на объединение усилий перед возможными, а, может, неизбежными катастрофами, а на усугубление царящего в мире хаоса, становится смутой на душе и растёт ощущение того, что человечество слепо вступило в фазу самоуничтожения.“ Она не находила в окружающем мире какой-либо позитивной, в интересах человека и человечества, программы, заходящей за рубежи сегодняшнего дня...”

Автор книги цитирует и другие слова Сэды Константиновны: „...фундаментальное знание, определяющее архитектуру планеты, и шире — мироздания — ускользает.“ Далее Лидия Владимировна задаётся вопросом: “Будет ли выстроена контрсистема?”

Поразительно, но подобные вопросы столетие назад ставил перед собой один из любимейших (наряду с Мариной Цветаевой) поэтов Сэды Вермишевой, и анализу её очерка „Послание Блока“ будут посвящены следующие страницы книги. Лидия Владимировна констатирует: “В очерке „Послание Блока“ Сэда Вермишева обращается к циклу стихов Александра Блока „На поле Куликовом“ и к стихотворению „Скифы“, считая, что великим поэтом „в безупречной художественной форме проводится широкий геополитический, цивилизационный и этнопсихологический анализ отношений как противостояния и противоборства, так и возможного сотрудничества и союзов на всём Евразийском пространстве“. Кроме того, полагает Сэда Константиновна, Блок

выстраивает гипотезу возможного развития исторических событий в случае, если из архитектуры будущего планеты будет устранён один из её важнейших элементов – Россия.»

Лидия Владимировна приводит ещё одну характерную цитату из текста Сэды Константиновны: «Блок ведом духом истории, где исконным объектом интереса противостояния сторон являются территории, борьба за господство над ними и населяющими их народами, демонстрирует геополитический подход к проблеме, видя в ней борьбу за сферы влияния, продвижение своих интересов на больших пространствах, которая ещё недавно называлась территориальным экспансизмом или противостоянием ему.»

Лидия Владимировна высказывает свою точку зрения на обозначенную Сэдой Вермишевой проблематику: «Через века Блоку необходимо было осмыслить столкновение на поле Куликовом в свете вызова его времени и грядущего России в метафизике столкновений, порождающих новые коллизии, новую проблематику.»

Автор книги о Сэде Вермишевой утверждает: «Особенностью великих художественных произведений является то, что каждое время прочитывает их по-новому. Блок относил Куликово поле к символическим событиям русской истории. „Таким событиям суждено возвращаться. Разгадка их ещё впереди“, – так писал Блок в 1912 году. Согласно Сэде Вермишевой, „Блок прозревал неизбежность возвращения России к ситуации Куликова поля“, и это прозрение фиксирует в своей книге о Сэде Лидия Владимировна.

Финальные строки статьи Лидии Довыденко „Послание Блока“ красотой парадоксальной мысли поражают воображение, будоражат сознание читателя: «Сэда Вермишева отмечает острое национальное чувство, историзм мышления, геополитическое чутьё А.Блока. Она вспоминает Блока в связи с историей отношений России и Запада, особенно перестроечного и постсоветского времени – это история безответной любви, переходящей в подбострастие, России к Западу.»

Отрадно отметить, что эта статья, посвящённая Блоку, была переведена ковенчанкой Лаймой Дебесюнене на литовский язык в 2013 году.

Говоря о лирической поэме „В белых снах пурги“ Лидия Владимировна свидетельствует: «В 2017 году у Сэды

Константиновны был 85-летний юбилей, и журнал „Берега“ отметил его публикацией лирической поэмы „В белых снах пурги“. Автор книги так характеризует содержание поэмы: “В „Белых снах пурги“ вселенская метель из каких-то тёмных глубин космоса несёт злые проявления „ненавистного владычества“. Согласно Лидии Владимировне, „Смута терзает сердце поэта. Прожитые годы заставляют оглянуться на пути-дороги, по которым шла вместе со страной-народом с „униженной музой и униженным сердцем“, но в то же время с „музыкой века“. По словам Лидии Довыденко, в поэме Сэдой Вермишевой „Формируется некий духовный итог своей творческой миссии, чтобы ощутить „Божественную ладонь“ на плече:

Но на плечо в лучах
Рассвета
Господь мне опустил
Ладонь,
Сказал:
„Живи!“
Отныне слогом
Ты будешь говорить моим,
Ты под моим надёжным кровом,
Твой голос будет мной
Храним
В пути бессрочном и бессонном...”

В заключение анализа поэмы Лидия Владимировна пишет: “Сэда Вермишева ощущает, что её воля сопряжена с открывшейся пронизанностью мира красотой, и она смело пропускает через себя гул глубинных морей, тепло солнца и нагретых камней, отражая их в слове, торжествуя и празднуя счастье „поэтом быть““.

Название поэмы Сэды Вермишевой говорит само за себя, и суггестия текста Лидии Довыденко „О поэме „Плач о потерянной Родине. Жестокий час“ обращает читателя к пережитой народом на излёте двадцатого столетия национальной боли исторического поражения. Один из любимейших поэтов Сэды Вермишевой, гениальная Марина Цветаева сказала: „С этой безмерностью в мире мер“. Этим строкам созвучны слова Сэды: “Мне тесно жить в отмеренных границах“.

Лидия Довыденко приводит строки, от которых сжимается сердце:
„А я, увы,

Схожу с ума
В стране сплошной измены.“

Или:

Я в землю уткнусь,
Чтоб не чують угар,
Азарта ликующей стаи.

Летит под откос
Богом созданный

Шар,

Сбивая небесные сваи.

Говоря о Сэде Константиновне, Лидия Владимировна заканчивает статью строками, которые врезаются в память, ошеломляют, заставляют видеть суть происходящего в метафизическом ключе:

“И вот вам завет, последнее земное слово:

И снова – сеять.

И снова – жать..

Осмыслить хаос

Первозданных звуков,

И хаос мира в Слове

Обуздать.

И одарить доверьем

Иную жизнь,

В которой мне не жить.

Думается, что только духовно чистый человек может видеть мироздание так, как Сэда Вермишева, и это ощутимо в тональности текстов Лидии Довыденко о поэтическом слове Сэды Вермишевой.

Далее в книге приводится ряд бесед главного редактора журнала „Берега“ и поэта, философа, публициста Сэды Вермишевой, опубликованных в журнале „Берега“. Первые беседы начинаются с животрепещущих тем, касающихся личностного отношению Сэды Константиновны к занятию литературой, и вопросы Лидии Довыденко касаются самого сущностного ядра личности поэта:

“Как Вы впервые соприкоснулись с поэзией?“, и Сэда

Константиновна рассказывает о своём роде, об истории знакомства с русской поэзией, и дух русского дворянства воцаряется в её исповедальных строках: “Мой дед получил образование в Германии, окончив там филологический факультет Берлинского университета“. Соответственно, не удивительно, что на книжных стелажах княжеского дома оказалась „Антология русской поэзии“,

которой была награждена бабушка по окончании гимназии“. О, маленькая Сэда сразу выявила свои предпочтения, записав в тетради стихотворение Александра Сергеевича Пушкина и продекламировав как своё перед собравшимися гостями. Взрослые улыбнулись, одобрили выбор, и велели больше чужих строк не присваивать, на что девочка Сэда обиделась, утверждая, что стихотворение именно её, Сэды Вермишевой. Автоирония этого отрывка свидетельствовала по прошествии многих лет ту её дерзновенно смелость, которая останется с Сэдой навсегда. На вопрос Лидии Владимировны: “Ваш род, Ваше княжеское происхождение повлияли на Вас как на поэта?” Сэда Вермишева ответила словами, вынесенными в заголовок текста всей беседы: “Поэтическое выше княжеского“.

Когда Лидия Владимировна спросила: “Что для Вас поэзия?”, Сэда Константиновна ответила: “Мир, который творит меня и который творю я.“

„Ведь не всё, что является стихами – поэзия“, - свидетельствовала Сэда Константиновна, так охарактеризовав основной лейтмотив своей личности: “Общее выше частного“. И совершенно естественно речь зашла о животрепещущих общих вопросах: “Жизнью нашей управляют процессы. Тот, кто понимает движение процессов, должен управлять государством.“

Публикуемая далее беседа Сэды Константиновны с главным редактором журнала „Берега“ Лидией Довыденко „Безразлична к излишествам, дорожу необходимым“ предворяется словами Лидии Владимировны: “Такой большой отклик на Ваши ответы в предыдущем номере журнала „Берега“, что возникла необходимость продолжить беседу с Вами, потому, что масштаб и потенциал Вашей личности, поэта, публициста, требует того.“

И снова, как и в предыдущей беседе, Лидия Владимировна задаёт интереснейшие вопросы, на которые нелегко было бы ответить любому нашему современнику: “Многое переосмыслено в жизни, в судьбе у человека, жившего в СССР, а что-то в мировоззрении осталось неизменным. Что Вами, по большому счёту, рассматривается иначе, чем раньше, а что остаётся неизменным?” И Сэда Константиновна отвечает, на что у неё изменилась точка зрения. К примеру, на то, что она усвоила из школьных учебников, где внушалось, что Российская империя была „тюрьмой народов“: “В качестве иллюстрации преподносилась русско-кавказская война,

длившаяся почти пятьдесят лет (1817-1864) и продолжавшаяся с обеих сторон жертвами и жестокостью.

Однако обвинялась в этом только одна Россия. Обходилась или умалчивалась сложная геополитическая обстановка в регионе, в частности – интересы, преследуемые Англией, - вынуждавшая Россию к ответным действиям. Ситуация преподносилась расширенно, и по умолчанию распространялась на другие территории и народы, добровольно присоединившиеся или завоёванные царской Россией.“

Размышляя об имперскости, о сословиях, Сэда Константиновна приводит жёсткую цитату из Константина Леонтьева:

“Централизация власти – императив внутренней идеи России, разрывая путы этого деспотизма, явление гибнет.“ Сэда Константиновна считает, что „неравенство в стране носило сословный характер, что и привело в конечном счёте к революции 1917 года.“

Переосмыслен Сэдой Константиновной и тезис о „переходе империалистической войны в гражданскую“: “Мысль о построении социализма в отдельно взятой стране закономерно переходила к мысли о призыве Ленина превратить войну империалистическую в войну гражданскую. В результате, как известно, страна получила войну как империалистическую, так и гражданскую.“

Пересмотрена Сэдой Константиновной и способность кухарки управлять государством. Но отношение к частной и государственной собственности осталась неизменной в пользу коллективной собственности на средства производства.

В этой беседе поражает воображение поразительная память детства, лёгкая автоирония в описании старинного дома бабушки-княжны и отчаянная борьба будущего поэта – девочки Сэды – с излишествами.

Далее в книге приводится очерк Сэды Вермишевой „Чужой заказ и наш наказ“ В преамбуле к тексту Сэда Константиновна пишет: “Очерк был написан в продолжение интервью главного редактора журнала „Берега“ Лидии Довыденко и поэта и публициста Сэды Вермишевой, которое было опубликовано в шестом номере журнала „Берега“ за 2018 год». Речь идёт о беседе „Безразлична к излишествам. Дорожу необходимым“ Этот очерк свидетельствует о том, что внутренняя, ментальная беседа этих двух выдающихся женщин, радеющих о судьбах страны и

человечества, когда „общее выше частного“, не прекращалось ни на минуту в пору их воистину духотворного общения. Сэда Константиновна была не только поэтом, но и видным экономистом, и проблемы мировой экономики будут ключевым звеном и в данном, и в последующих приведённых в книге текстах. В этом очерке Сэда Вермишева повествует о переходе страны на рыночную экономику, о том, чем это было для страны чревато, приводит хронологию совершавшейся ломки хребта государственности, свидетельницей которой она являлась, находясь порой в орбите тех, кто принимал решения. О траектории мысли Сэды Вермишевой как мыслителя и экономиста свидетельствует следующая выдержка из её текста: “Существующая модель развития мира должна быть заменена моделью, предусматривающей баланс между демографией и ресурсной базой земли. Мне представляется, что именно таков вызов нынешнего времени, таков его императив.” В этом тексте впервые прозвучал её вердикт перестроечному процессу, который в той или иной форме будет затем появляться и в других её текстах, написанных в последние годы жизни и опубликованных в журнале „Берега“: “Ещё раз убеждаюсь в заказном характере перестройки в том виде, в каком она происходила и продолжает происходить сегодня.” Или: “Проведённый же у нас переход страны от социалистической модели экономики к модели Чикагской школы Фридмана, как и следовало ожидать, не сработал.” Или: “Перестройка – способ уничтожения противника иным, не военным путём”. Таким образом, можем утверждать, что очерк „Чужой заказ и наш наказ“ является продолжением её скорбной и величественной думы о России и судьбах мира, но исполненная теперь не в поэтическом, а в научно-публицистическом ключе, что свидетельствует о том, что она чувствовала себя причастной к происходящим процессам всей своей органикой, всем своим существом. Следующему своему очерку „Загадки истории“ Сэда Константиновна даёт название „Загадки истории“, называя в зачине побудительный импульс для создания текста: “В продолжение темы предыдущего номера журнала – причины и следствия демонтажа СССР”. В последний год своей земной жизни, в 2019 году, Сэда Константиновна публикуется в журнале „Берега“ из номера в номер, и все эти публикации говорят о высоком интеллектуальном и нравственно-этическом потенциале Сэды Вермишевой, которая

свои последние жизненные силы отдаёт для осмысления настигшей народ геополитической трагедии, свидетельствуя хронологию событий, пытаюсь уловить ключевые смысловые узлы неслыханных доселе исторических событий. Сэда Константиновна вводит читателя в проблемный круг с первых строчек текста: “Мне кажется, что тема, касающаяся демонтажа Советского Союза, в нашей прошлой беседе, в предыдущем номере журнала, не была исчерпана, так как мы практически не коснулись вопроса распада Советского Союза, на территории суверенных независимых государств, а лишь затронули тему демонтажа социалистической экономической системы, переформатирования её в капитализм постсоветского образца.”

Автор очерка погружается в глубины исторического развития России: “(...)начиная с Ивана Калиты собирание земель и централизация власти были ведущей государственной идеей России.”

Ништадский мирный договор, Полтавская битва, Октябрьская революция, Сталинский период – вот основоположные вехи развития государства, определившие, согласно Сэде Константиновне, вызовы Беловежья: “...практика перестройки и постперестройки отбросила Россию вспять от её наиболее фундаментальных исторических достижений на 300 лет. И мне вспоминается Москва и теперь уже далёкий 1981 год“. Так от исторического экскурса Сэда Вермишева подходит к жизненно важным, актуальнейшим вопросам современности, к незаживающим доселе историческим шрамам на теле страны в её материальном и духовном воплощениях. В этом очерке Сэда Константиновна подходит к вскрытию исторической подоплёки Беловежских решений. Так, говоря об октябрьской революции, Сэда Вермишева утверждает, что именно в этом кроется причина „переформатизации территории Российской империи с её унитарным административным губернско-уездным территориальным делением в национальные территории СССР – сначала в составе Советского Союза, а в дальнейшем, после подписания Беловежских соглашений – уже в современных, независимых государствах.“

Сэда Константиновна выявляет идеологические постулаты становления государственности после Октябрьских событий 1917 года, даёт представление о ленинском национальном либерализме,

по её словам, „много объясняющем о состоянии дел в сегодняшней России“: “Интернационализм должен состоять не только в соблюдении формального равенства, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации большой то неравенство, которое складывалось в жизни практически.”

В конце 2019 года, когда Сэде Константиновне оставалось совсем чуть-чуть земного пути, в шестом номере журнала „Берега“ публикуется беседа „Бездны Беловежской Пуши“: “Поэт и публицист Сэда Вермишева и главный редактор журнала „Берега“ беседуют о причинах и следствиях демонтажа СССР“. И вновь – острые, сущностные вопросы главного редактора, и снова – глубокие, сущностные ответы Сэды Константиновны, только уже не по вопросам экзистенциального становления в канве её знаменитого княжеского рода, не по проблематике литературного творчества, но по судьбоносному развороту огромной страны на небывалых скоростях в совершенно другую систему экономических, политических, духовно-нравственных, эстетических координат. В зачине беседы Сэда Вермишева констатирует: “В прошлом разговоре мы остановились на сталинском периоде Советского Союза, включающем и Отечественную войну. Именно тогда удалось восстановить страну почти в тех границах, которые она занимала до 1917 года, и создать сбалансированную систему противостояния внешней угрозе. Но анализ ситуации в Российской империи как перед Октябрьской революцией, так и во время гражданской войны показал, что внутренние угрозы в случае их игнорирования или неприятия своевременных мер таят в себе не меньшие, если не большие угрозы, чем внешние...” Лидия Владимировна продолжает беседу: “И подтверждение тому – послесталинский период Советского Союза, ставший медленным сползанием в бездну Беловежской пуши.” И Сэда Константиновна в ответ свидетельствует: “Произошло оно не сразу, а после подписания 1 августа 1975 года руководителями 33 европейских государств, включая СССР, а также США, Канаду, Хельсинского заключительного акта о незыблемости государственных границ по итогам Второй Мировой войны.” Далее речь идёт по ключевым для сегодняшнего исторического процесса датам – 03.04.1990, 17.03.1991.

И вновь острый вопрос главного редактора: “Но какая почва была для игнорирования результатов голосования в 1991 году?” И вновь

аргументированный ответ поэта и публициста - свидетеля исторического процесса: “Дегероизировалось прошлое, духовные ценности трансформировались в материальные. Заслуженно нарастало плохо скрываемое негативно-насмешливое отношение в обществе к руководству страны. Вертикальная мобильность по отрицательному признаку при формировании кадров приносила свои печальные плоды, диссидентские же настроения в обществе росли, охватывая всё более широкие слои населения. (...) Менялось руководство страны, давали знать о себе прошлые ошибки, совершались новые, мельчал размах, исчез масштаб, достойная мотивация действий.”

Неотступная мысль о геополитической катастрофе, разрушившей страну и подвергшей тяжелейшим испытаниям миллионы людей, соделав русский этнос чуть ли не чуждым собственной культуре, не оставляла Сэду Вермишеву до последнего земного мгновения. В своей последней статье „Как мы дошли до такой жизни? Факты и только факты“ воплощённая народная совесть водила рукой этой удивительной женщины, когда она, „держась на немыслимых дозах лекарств“ (Сурен Золян) выводила свои пламенеющие пафосом гражданского мужества строки: “Продолжая тему, начатую в журнале „Берега“ в его предыдущих четырёх номерах 2019 года, я хотела бы сегодня уточнить и дополнить важные стороны этого непростого направления для анализа, обращаясь к истории России, Советского Союза и периода так называемой перестройки.”

О характере этих уточнений и дополнений можно судить по названиям разделов статьи: „Конструкция теорий многонационального государства“, „Роль личности в истории“, „Об эффективности экономики“, „Планы глобалистских структур и фетишизация власти“, „Кейнсианская модель и варианты в социалистической экономике“, „О централизации власти“, „Об автономии“. Основываясь на „фактах и только фактах“, Сэда Вермишева выступает как летописец-аналитик, вскрывающий суть исторических процессов, предоставляя канву событий в их синхронном и диахронном ракурсах.

О том, какое значение придавала Сэда Константиновна этой статье, свидетельствуют размышления над названием и смысловыми центрами текста – сведения об этом читатель может почерпнуть из

представленной в книге переписке Сэды Константиновны и Лидии Довыденко:

„06.12.2019 „Буду очень рада, если Вы поставите свои вопросы, - они очень помогают углубить материал, заострить его, нацелить на главное, не уводят в сторону.“

„Буду рада в силу своих возможностей продолжить или дополнить тему под Вашим руководством. Это не слова. Мне с Вами легче работать, чем в одиночку. Такое со мной случилось впервые в моей жизни. Обнимаю Вас с любовью и признательностью, что Вы есть.“

13.12.2019 „С нетерпением буду ждать первого номера „Берегов“ – там в беседе много переключек с днём сегодняшним, и, к названию, пока условному, „Перестройка“, хотела бы дать подзаголовок „Откуда ноги растут“, - это насчёт большинства правозащитников, вопивших по поводу и без повода, и промолчавших при Беловежском сговоре и расстреле Белого дома, то есть, социализма.“

У Осипа Мандельштама есть строчка: „Я дружбой был как выстрелом разбужен.“ Благодарность Лидии Владимировне и журналу „Берега“ за соратничество и сотрудничество звучит в письмах Сэды Константиновны в течение всей их переписки: в письме за 2017 год читаем: „Рада, что „Берега“ набирают силу, и восхищаюсь Вашим талантом вести журнал в наше время. Это – подвиг.“ В 2018 году Сэда Константиновна пишет: „Я очень обрдовалась, что по прочтении „Преодоления“ Вам захотелось об этой книге написать. И очень интересно Вы соединили строки об „угодности миру“ и „инкогнито“ пребывания в нём поэта.“

В переписке этих замечательных женщин постоянно идёт взаимообмен творческими энергиями, кристаллизуются замыслы. Так, в том же 2018 году Сэда Константиновна восклицает: „Очень неординарная мысль насчёт интервью (лучше – беседа) (...)“.

А прочитав в журнале „Берега“ беседу „Для духа поражения нет“, Сэда Константиновна отзывается так: „Обнимаю Вас, почему-то рада, что Вы дома, хотя понимаю, как было интересно в поездках и как много полезного.“

И Лидия Владимировна отзывается на её строки: „У меня одна надежда – на женщин-мыслительниц, особенно поэтов, особенно таких, как Вы.“

А вот строки Сэды Константиновны в ответ: „Спасибо, что Вы обо мне думаете. Наверное, потому, что я практически всё время думаю

о вопросах, которые Вы мне прислали, и открываются новые видения давно прошедшего.“

Пожелание, с которым обратилась к Лидии Владимировне Сэда Константиновна в первый день 2019 года свидетельствует о той духовно-нравственной высоте и тех провидческих горизонтах, которые были доступны умному сердцу Сэды Вермишевой: она хочет «пожелать Вам и журналу быть творцами новой реальности, реальности, которая будет восприниматься людьми нашей ойкумены как долгожданная, желанная, своя...Соскучились по ней. Надоело ходить в чужих обносках.“

А в письме от 24.01.2019 Сэда Константиновна обращается к Лидии со словами, которые можно доверить лишь человеку на метафизических уровнях бытия: “Буду всегда писать Вам, а Вы пошлёте тепло, и оно вылечит.“

Письмо о журнале „Берега“ и роли Лидии Владимировны в его становлении, написанное Сэдой Константиновной 26.04.2019, необходимо читать полностью, но пафос этого послания явствен в письме Сэды Вермишевой Лидии Довыденко 27.04.2019: “В Вас я увидела продолжение цивилизационного пути России, в который я верю.“

Сотрудничество и соратничество этих выдающихся женщин было взаимообогащающим, и Сэда Константиновна в процессе переписки и поиске ответов на поставленные Лидией Владимировной вопросы многое уясняла для себя в настигшем вираже истории. Так, в письме от 15.09.2019 Сэда Константиновна признаётся: “Вышла на тему нелегитимности Беловежских соглашений“, а в письме от 11.10.2019 говорит: “Благодарю за возможность осмысления, ибо спонтанно пришла к мысли, что перестройка – заказ.“ В тот же день Сэда Вермишева напишет: “Спасибо, что дарите свободу мысли.“

Постоянная дума о стране и мире не оставляла её, так хотелось делиться со своим выстрадавшим, наболевшим, благо, в лице главного редактора журнала „Берега“ и всех читателей этого журнала Сэда Константиновна обрела единомышленников. Ей осталось жить на земле менее месяца, и трудно читать её полные надежды строки от 20.01.2020: “С радостью готова вести продолжение наших бесед, если уровень моих знаний это позволяет.“

И сколь глубока степнь постижения ею происходивших исторических процессов, свидетельством чему являются строки, написанные в тот же день, 20.01.2020: “Трудно охватить короткой фразой и волюнтаризм Ленина, и его „либеральный национализм“, и сталинское хитроумие по конструированию автономий по принципу „разделяй и властвуй“, и интересы Запада, и холуйство Ельцина, и ненасытное властолюбие Горбачёва.“

И всё-таки образ будущего являл себя: в этой связи знаковым является письмо от 14.12.2019 года: “А насчёт Хлебникова... (...) глобализму финансового капитала может быть противопоставлен социально ориентированный, поэтический глобализм.“... Таким образом, поэт, экономист и аналитик были в лице Сэды Вермишевой триедины.

Не только постоянной думой о России в контексте мировых процессов новейшей истории было наполнено сердце Сэды Вермишевой – она непрестанно думала об Армении, и это отразилось в её стихах, статьях, письмах. То, что не удалось сказать о своём роде князей Аргутинских в беседах с главным редактором, Сэда Константиновна излагала в письмах к Лидии Владимировне. Так, она тревожилась о том, что и Калининград и Армения являются анклавами, не имеющими границы с Россией. Её сердце принадлежало и Армении, и России, и в своём письме от 02.07.2018 Сэда Вермишева пишет Лидии о русском космосе своего рода: “Распечатав, имея бумажный вариант, я смогу судить и об объёме материала, и насколько его можно, без ущерба для восприятия, дополнить. Здесь большая опасность перегрузить материал и уйти в сторону от заданных тем. И напрашивается вопрос о России как „тюрьме народов“ (из лексикона Советской власти). Если давать фото, то и писать можно о дедушках-бабушках со стороны отца и матери. А посмотрев на фото – можно задаться вопросом, - насколько они похожи на узников этой тюрьмы. Весь русский космос прошёл через них. Ведь бабушка, княжна Аргутинская, была фрейлиной императрицы. Обучалась ручному труду, из Петербурга уехала в Тифлис и открыла школу для слепых. А её оба родных брата – монархисты, полковники гвардейских полков Петербурга. О них писал Блок в своих дневниках, старший брат, полковник Преображенского полка, после крушения монархии, совсем молодой, сначала эмигрировал, а потом, в эмиграции, застрелился. Среди Вермишевых были большевики-комиссары.

Одних белые растерзали, других – Берия. Материал потянет на исторический роман... Поэтому надо мне пойти очень, очень избирательно к материалу. А я пока перечту его.“ Так Сэда Константиновна писала Лидии после получения бумажного номера с опубликованной беседой с Лидией Владимировной, где была затронута родословная поэта. О, Сэда Вермишева понимала, что значит элита для государства, иначе бы она не удостоила похвалы англосаксов, говоря об экономике России: в письме от 08.07.2019 она восклицает: “Англосаксы смотрят действительно на много шагов вперёд. У них получается в том числе и потому, что не перебили свою элиту и их лорды были одновременно агентами МИ-6.“

Как аналитик и экономист, Сэда Константиновна предвидела, что произойдёт с Нагорным Карабахом, и об этом говорит в своём глубоком и проникновенном тексте о матери Сурен Золян. Свои мучительные предчувствия Сэда Константиновна выразила в дневниковых стихах, и её поэтический голос действительно звучит как набат:

Грядёт тяжёлый поворот,
Неумолимая расплата,
За всё, за всех.

И род – на род
Пойдёт,
Пойдёт,
И брат – на брата,

И не осилить реки вброд,
И совесть на кресте распята,
И будет глад, и будет мор,
Жизнь проиграла жизни спор.

Померкло всё, что было свято, -
Над синью рек, над цепью гор...
Господь вершит свой приговор
И распахнул ворота ада.

И плакал шут,
Молился вор,

И пламя вспыхнуло
Заката...

И всё-таки книга завершается светлой нотой – светлые лики князей
и княжон Аргутинских, волевые прекрасные лица рода

Вермишевых смотрят на нас со страниц книги.

Чудесные космические строки своей матери сопровождаются
достойными материнского поэтического дара графическими
работами Нарине Золян. Перед читателем возникает зримое
воплощение прекрасных строк Сэды Вермишевой, воистину
свидетельствующих Русский Космизм: “Я тороплюсь – мне нужно
стать Вселенной“, „Я отдам тебе свет всех планет мироздания“,
„Моё Сверх-Я вобрало все наречья“. Таким образом, Метафизика
Вечной Женственности продолжается. От матери – к дочери. Из
рода - в род. А это значит, что остаётся надежда: “Преображению –
быть“.

19.02.2025

Эляна Суодене

Kaunas